

ПОМНИ МОЙ ГОЛОС

САНТА
МОНТЕФИОРЕ

Перевод
Маргариты Лобии

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФ](#)

МИФ

Пролог

Южная Австралия, декабрь 1995 года

Мэри-Элис Делавэр перечитала письмо. Нелепость. Абсолютная бессмыслица и, учитывая обстоятельства, дерзость. Всё это было настолько абсурдным, что она не сразу осознала, как громко смеется. Оторвавшись от письма, Мэри-Элис бросила взгляд на дворовую лужайку, где мелькала широкополая мамина шляпа. Флоренс Левесон выпалывала сорняки на клумбе и подвязывала к опорным колышкам разросшиеся стебли дельфиниумов. Уверенная, что праздность разест ее кости, как ржавчина — автомобиль, Флоренс Левесон в свои семьдесят шесть лет ни минуты не сидела без дела. «Активность — главный закон сохранения энергии», — твердила она, копаясь в саду, прогуливаясь с бассетом Базом, выпекая пироги, играя на фортепиано и, к немалому замешательству дочери, занимаясь йогой. Лицезреть ее мать, облаченную в лайкру, Мэри-Элис никому бы не пожелала.

Показать ей письмо или нет?

Мэри-Элис решила повременить. В конце концов, торопиться некуда. Флоренс наверняка выбросит письмо в мусорную корзину. Не то чтобы ее матери не доставало чувства юмора. Напротив, подтрунивать над собой и окружающим миром Флоренс умела лучше всех знакомых Мэри-Элис. Смех — чудесный бальзам, заживляющий сердечные раны. Бесценный дар для тех,

кто, как ее мать, пережил страшнейшие потрясения. Мэри-Элис не сомневалась, что если кто-то и способен по-настоящему оценить безумие послания, то это Флоренс. И все же... И все же что-то не давало ей покоя. Тень сомнения, предчувствие, что именно теперь матери изменит ее прославленное чувство юмора. Тогда Мэри-Элис пожалеет, что показала ей письмо. Надо действовать осторожно. Такие письма не забываются.

На конверте значилось имя Мэри-Элис Делавэр, но само письмо было адресовано Флоренс Левесон. В записке, вложенной в конверт, отправитель без всяких намеков пояснял, что решение, показывать содержимое матери или нет, ложится на плечи Мэри-Элис. Хотя бы в этом отправитель проявил такт — позволил Мэри-Элис первой ознакомиться с письмом и затем сделать выбор. Надо отдать ему должное — по всей видимости, он думал над каждой строкой, заботливо подбирал каждое слово. Вообще-то письмо было восхитительным. Настолько восхитительным, что очаровало Мэри-Элис. В этом и состояла загвоздка, над которой Мэри-Элис ломала голову. Отправитель, человек явно образованный и утонченный, не походил ни на сумасшедшего, ни на человека с недобрыми намерениями. Тем не менее письмо оказалось крайне деликатным и, что ж, эксцентричным.

— Мам, может, чаю? — прокричала она с веранды.

Флоренс, выросшая в Англии, не забывала о традициях и в пять часов пополудни баловала себя классическим «Эрл Греем», бутербродами с яйцом и шнитт-луком, кусочком пирога или тостом с маслом и густой австралийской пастой «Веджимайт». О фигуре Флоренс не заботилась. Тоненькая девушка с осиной талией и длинными стройными ногами давно канула в прошлое, а ее место заняла моложавая женщина с озорными морщинками, прячущимися в уголках губ и глаз,

и светлым лицом, которое не смогли испортить ни безжалостное солнце Австралии, ни солнце Индии — страны, где Флоренс провела детство. Флоренс никогда не поддавалась высокомерию, даже в юности, когда на нее откровенно заглядывались. Особое восхищение вызывали ее длинные мягкие волосы — настоящая густая грива. Она собирала их в небрежный пучок, и непослушные светлые локоны каскадом струились по шее и вискам. Со временем волосы потемнели, а затем начали седеть, и теперь по всей голове Флоренс тянулась широкая серебристая полоса, за которую внуки окрестили Флоренс «барсуком». Вряд ли кому-нибудь из женщин польстило бы сравнение с барсуком, но Флоренс пришла от этого прозвища в восторг.

— С удовольствием! — отозвалась она, смахивая тыльной стороной ладони пот с бровей.

Солнце пекло невыносимо, и Флоренс с радостью отдохнула бы в тени. Сняв садовые перчатки, она быстро перешагнула через низенький заборчик, ограждавший клумбу. Дремавший под грушевым деревом Баз сел и выжидательно склонил морду.

— Вот уж не думала, что сад когда-нибудь так пышно расцветет. Я словно переместилась в Англию, — воскликнула Флоренс и широко улыбнулась. — Такое ощущение, что дождь идет не переставая. А взгляни на милых пчелок! Они пьяны от нектара. Пьют совсем как дядюшка Реймонд. Вот уж кто любил заглянуть в паб. Ни одной возможности не упускал.

Мэри-Элис расхохоталась. Ее мать любила поговорить о прошлом, и годы, проведенные в Англии, были самыми дорогими ее сердцу воспоминаниями. Мэри-Элис ушла в дом вскипятить чайник. Возможно, в такую жару холодный лимонад освежил бы намного лучше, однако мама была непреклонна: только чай и только с молоком, по-английски. Мэри-Элис закинула пару

чайных пакетиков в заварочный чайник и достала из холодильника бисквитный пирог. Когда она снова появилась на веранде, Флоренс сидела в кресле-качалке, а рядом, положив голову ей на колени, пристроился Баз. Флоренс обмахивалась журналом и напевала старинную, неизвестную Мэри-Элис песенку.

— Знаешь, когда я была маленькой и жила в Фолкстоне, дядюшка Реймонд каждое Рождество водил нас в театр, — блаженно улыбнулась Флоренс и рассеянно потрепала База по макушке. — Семейная традиция, ничего не попишешь. Но как мы ждали этого дня. Просто изнывали от нетерпения. Я с ума сходила от «Питера Пэна». Мне жутко повезло, я видела в роли Питера саму Джин Форбс-Робинсон! «Если верите в фей, хлопните в ладоши!» И мы хлопали, не жалея сил, и Динь-Динь оживала. Ах, это было чудесно.

Мэри-Элис разлила чай по кружкам и протянула матери блюдце с куском пирога. Баз приподнял голову и заинтересованно принялся. Флоренс поставила блюдце на журнальный столик.

— Жаль, я не помню, как праздновали Рождество в Англии, — вздохнула Мэри-Элис. — Огонь в камине, мороз. Снег и сани Санта-Клауса. Красота...

— Да, Рождество в жару — это не то. Рождество должно хрустеть, обдавать холодом и сверкать, как рождественская открытка. Сколько тебе было, когда мы сюда переехали? Четыре года?

— Три, — поправила Мэри-Элис и пожала плечами. — Ну да ладно. Чего не помнишь, о том не сожалешь. В австралийском Рождестве тоже есть своя прелесть.

Флоренс отодвинула блюдце с угощением подальше от База и уронила в чашку с чаем кусочек сахара.

— На Рождество мы уезжали к бабушке с дедушкой. Я обожала гостить у них. Ты ведь знаешь, что мой папа

скончался почти сразу после того, как мы покинули Индию и возвратились в Англию. Поэтому мама, Уинифред и я отправлялись на рождественские каникулы в Корнуолл, к маминим родителям. Они владели огромным великолепным поместьем под названием «Мореходы» и собственным пляжем в заливе Гулливера. Очень сомневаюсь, что пляж до сих пор в частной собственности, но в то время он безраздельно принадлежал нам. От дома к морскому гроту на берегу вел подземный тоннель. В эпоху Наполеоновских войн контрабандисты использовали грот для своих махинаций: переправляли спрятанные там тюки с шерстью на рыбацьи лодки, ждавшие в заливе, и меняли их на коньяк и кружева. О, это было волшебное место.

— Потрясающее, — поддакнула Мэри-Элис, слышавшая эти истории сотни раз.

— Я любила Рождество, — продолжала Флоренс. — Помню, как у меня замирало сердце, когда я дотрагивалась ногой до рождественского чулка, подвешенного у изножья кровати, и слышала таинственный хруст. О бабушкиной щедрости ходили легенды, она совсем нас избаловала. Доверху наполняла наши рождественские чулки подарками. Первым делом мы с Уинифред запускали руки на самое дно, где лежали мандарины, завернутые руками торговца в серебристую бумагу. Это сейчас на мандарины никто и не взглянет — подумаешь, диковинка, а в моем детстве они были на вес золота, их везли кораблями напрямиком из Марокко.

Флоренс тихо рассмеялась, отхлебнула чая и глубоко, по навязчивой привычке, одолевшей ее в старости, вздохнула.

— А каким богатым был рождественский стол... — Флоренс погрузилась в стремительно нахлынувшие воспоминания. — Конечно, я изнывала в предвкушении десерта. Десерт приносили до того, как мы уходили

из гостиной, чтобы мужчины могли насладиться портвейном, и сразу после того, как мы расправлялись с рождественским «Стилтоном» — сыром с голубой плесенью. «Стилтон» украшали веточками сельдерея и подавали на тонюсеньких, почти просвечивающих печенках от кондитерской фирмы «Танбридж Уэллз». На десерт у нас всегда был отборный английский шоколад фабрики «Шарбоннель и Уокер» в коробочках в несколько ярусов с серебристыми язычками и нежнейшие, тающие во рту «Карлсбадские сливы». Ах, и еще, конечно, изумительные засахаренные фрукты *fruits glacés* и глазированные каштаны *marrons glacés* из Франции. Моя мама жить без них не могла.

Флоренс надкусила пирог и втянула носом аромат свежей выпечки.

— М-м-м, божественно. Нет, Баз, даже не проси! Ох, ну хорошо-хорошо, на, держи.

Отломив маленький кусочек торта, Флоренс закинула лакомство в пасть собаки.

— В заливе Гулливера мы всегда пили чай с бисквитным пирогом.

— Я столько всего наслушалась про залив Гулливера, что мечтаю как-нибудь там побывать, — призналась Мэри-Элис, хотя, по ее ощущениям, она уже бывала там неоднократно.

— Увы, я слишком стара для путешествий, иначе самолично отвезла бы тебя в Англию, — горько посетовала Флоренс. — Даже не знаю, кому сейчас принадлежит дом. Господи, да ведь в нем могли открыть гостиницу или пансионат! И представить страшно! Полагаю, сейчас людям неинтересны величественные особняки, где обитые зеленым войлоком двери отделяют комнаты для прислуги от остальных помещений. Да и прислугу больше не держат, верно? Теперь это непозволительная роскошь. В наши дни все было иначе. Мои бабушка

с дедушкой, убежденные викторианцы, отличались крайним консерватизмом и, я бы сказала, мнили себя важными птицами. Слуг мы воспринимали как должное, хотя теперь, оглядываясь назад, я понимаю всю тяжесть их положения. У них не было ни единой свободной минутки, да и платили им, вероятнее всего, сущие гроши. И все-таки мы жили в возвышенном мире, но потом разразилась война и от него не осталось и камня на камне.

Флоренс вздохнула, снова откусила от пирога и облизнулась, наслаждаясь его сладостью. Баз пустил слюни, но Флоренс, подхваченная волною воспоминаний, не заметила его вождедеющих, буравящих пирог глаз.

— Два брата моего отца погибли в Первую мировую. Никто не допускал и мысли, что мы развяжем новую войну, причем так скоро. Какая наивность! Мы думали, что уроки Первой мировой не пройдут даром, но люди не пожелали ничему учиться. В этом-то и беда: люди никогда ничему не учатся.

Мэри-Элис подлила себе чая.

— Расскажи еще про залив Гулливера, — попросила она.

Ей хотелось отвлечь мать от войны. Она прекрасно знала, куда заводят подобные болезненные воспоминания — в омут страданий.

— Я была неверующей, но страсть как любила ходить в церковь, — оживилась Флоренс. — Мне нравился викарий, преподобный Миллар: маленький лысый шепелявый толстячок с бездной обаяния и энергии. Неважно, что он изрекал, все его суждения казались столпами мудрости. Таких викариев на свете — пересчитать по пальцам. Какая харизма! Какой огонь! Если бы все священники были ему под стать, народ валил бы валом в церкви. Однако... — Флоренс плутовато усмехнулась, — не только викарий вдохновлял меня

на посещение церкви каждое воскресное утро. О нет. Меня влекло к Обри Дашу.

Мэри-Элис склонилась над чашкой и улыбнулась. Эту историю она вытвердила наизусть, однако не собиралась лишать Флоренс удовольствия в очередной раз погрузиться в приятное прошлое.

— Одно имя чего стоит, — поддакнула она. — Такое романтическое.

— Я исписала этим именем весь дневник, — рассмеялась Флоренс, сверкнув зелеными глазами. — Выводила на каждой странице «Обри Даш», а затем — «Флоренс Даш», чтобы посмотреть, как будут сочетаться в замужестве мое имя и его фамилия. Смешно, да, учитывая, как оно все обернулось? Он меня почти не замечал.

Флоренс пожала плечами и отхлебнула чая.

— Почему? В голове не укладывается. Ты была обворожительна, мам.

— И очень юна, не забывай. Давай считать, что я расцвела довольно поздно. Наша семья сидела на одной церковной скамье, а его семья — на другой. Я украдкой бросала на него взгляды и слепла от его великолепия. Взгляды искоса — вот и все, что я могла себе позволить. Да и то, чтобы не пялиться на него безостановочно, я приучила себя любоваться им урывками, через определенные промежутки времени. Так я выдерживала, наверное, пять-шесть минут, хотя порой доходило и до пятнадцати. Но самое прекрасное мгновение наступало, когда мы подходили к причастию. И где бы я ни стояла — впереди или позади него, — чувствовала исходящее от него тепло. Пару раз он даже посмотрел на меня, и я заалела с головы до ног.

Флоренс закинула в рот последний кусочек торта и сладострастно облизала пальцы.

— Прости, Баз, ничего не осталось.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

